

Мочульский Василий Николаевич

**Историко-литературный
анализ стиха о Голубиной
книге**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
В19

В19 **Василий Николаевич М.**
Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге / Мочульский Василий Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 263 с.

ISBN 978-5-519-98045-6

ISBN 978-5-519-98045-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВВЕДЕНИЕ.

Исторію вопроса объ изслѣдуемомъ мною стихѣ исчерпывается, какъ я уже сказалъ, небольшоимъ количествомъ статей, краткими замѣчаніями о стихѣ, сдѣланными въ прозаическомъ, и обязательными разсмотрѣніями этого стиха въ школьныхъ учебникахъ. Излагать детально исторію вопроса въ данномъ случаѣ я считаю лишнимъ, такъ какъ при самомъ анализѣ стиха я по необходимости долженъ буду касаться всѣхъ мелочей и изгладовъ, существующихъ въ литературѣ по даннымъ вопросамъ. Болѣе интереснымъ въ данномъ случаѣ представляется — прослѣдить тѣ направленія, которыя сказались въ литературѣ изслѣдуемаго вопроса, и которыя, вліяя естественно на постановку дѣла, обусловили собою и самые результаты, добытые наукою въ данной области. Первое по времени направленіе, которое рѣзко обозначилось въ литературѣ разсматриваемаго вопроса, можно назвать идеальнымъ, опредѣляя его не по существу, а по тѣмъ патріотическимъ стремленіямъ, какими пропитаны относящіеся сюда работы. Сущность этого направленія заключается въ явномъ или скрытомъ желаніи — расширить область умственного достоинства русскаго народа, возвеличить мыслительную его самостоятельность, возвысить родную старину, отпослать черты разсматриваемаго памятника къ прастаринѣ аріиской. Главными представителями этого направленія являются: Н. Надеждинъ, А. Аппасевъ, П. Безсоновъ, отчасти Шевыревъ, Буслаевъ и О. Миллеръ. Надеждинъ въ своей статьѣ „О русскихъ народныхъ мѣтахъ и сагахъ“ (Русская Бесѣда 1857 г., т. IV, ч. 2, стр. 19), признавая стихъ о Голубиной книгѣ самымъ старшимъ изъ всѣхъ, сохранившихся у насъ остатковъ нашей мифической старины, старшимъ по первопа-

чальному его происхожденію, которое, по убѣжденію Надеждина, должно непременно принадлежать временамъ силы и цвѣта народнаго русскаго язычества, считаетъ этотъ стихъ продуктомъ чисто-народнаго, русскаго творчества. А. Доанасевъ въ „Поэтическихъ воззрѣніяхъ Славянъ на природу“ (т. I, стр. 51) говоритъ: „судѣбныя сказанія, передаваемыя стихомъ о Голубиной книгѣ, составляютъ общее достоинствѣ всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, находятъ свое оправданіе въ исторіи языка, и совершенно совпадаютъ съ древнѣйшими мѣрами Индусовъ и съ показаніями Едды: свидѣтельство въ высшей степени знаменательное! Происхожденіе ихъ, очевидно, относится къ арійскому періоду, и рукописные памятники (т. е. апокрифы) могли только подновить въ русскомъ народѣ его старинныя воспоминанія“. И. Безсоповъ въ „Замѣткахъ къ 4-му выпуску Калѣкѣ Перехожихъ“ замѣчая вообще о стихахъ, что они „сложены цѣлымъ народомъ, подъ паптіемъ религіознаго творчества, творчества вѣры . . .“, — въ частности о стихѣ Голубиномъ говоритъ, что онъ носитъ на себѣ слѣды всѣхъ постепенныхъ переходовъ, отъ отдаленной поры языческаго творчества, облекавшейся въ туманъ и таинственность, до торжества самыхъ свѣтлыхъ православныхъ образовъ (Вып. IV, стр. XXVI). Коренную основу стиха о Голубиной книгѣ, по словамъ Безсопова, составляютъ древнѣйшія космогоническія сказанія, общія великорусскому племени съ другими индо-европейскими народами, и въ частности съ древнѣйшими религіозными пѣснопѣніями Грековъ. Шевыревъ въ своихъ лекціяхъ (т. I, лекція 5, стр. 237), говоря, что въ Голубиной книгѣ выражается поэтическая дума народа о началѣ міра, въ тоже самое время замѣчаетъ, что стихъ о Голубиной книгѣ почерпнуть изъ недоступныхъ источниковъ (Прим. 27, стр. 257). Болѣе всѣхъ писалъ о Голубиной книгѣ О. Буслаевъ. Въ своемъ раннемъ трудѣ — „О вліаніи христіанства на славянскій языкъ“, въ которомъ касается стиха о Голубиной книгѣ (стр. 78, 1848 г.), Буслаевъ явно высказываетъ тоже самое направленіе, какое подмѣтили мы въ тру-

дахъ упомянутыхъ ученыхъ. Говоря о космогоническихъ преданіяхъ, въ которыхъ ясно выразились народныя понятія объ отношеніи человека къ природѣ и приводитъ аналогіи изъ преданій индійскихъ, а затѣмъ нѣмецкихъ, Буслаевъ далѣе замѣчаетъ, что „разсѣянное по нѣмецкимъ племенамъ сказаніе о сотвореніи міра, глубоко проникло въ преданія русскія, и долго удерживалось въ народѣ, будучи освящено христіанскими понятіями въ такъ называемомъ стихѣ о Голубиной книгѣ. Оно такъ срослось съ убѣжденіемъ и кругомъ воззрѣнія народа русскаго, что могло быть заимствовано только изъ общаго индо-европейскаго источника. Сличеніе этого стиха съ нѣмецкими и другими сказаніями можетъ, такъ сказать, предложить варианты для воссозданія первобытнаго преданія“ (78 стр.). „И такъ, заключаетъ далѣе Буслаевъ, космогоническое преданіе о сотвореніи человека не только своеземно у насъ, но и имѣетъ замѣчательное дополненіе къ преданіямъ прочихъ народовъ. Мало того, оно такъ вкоренилось въ народныя вѣрованія, что еще и доселѣ живетъ въ русскихъ суевѣріяхъ, и именно, какъ догматъ въ расколѣ Духоборцевъ“ (84 стр.). Въ 1861 г. Буслаевъ буквально повторилъ тотъ же самый взглядъ на стихъ о Голубиной книгѣ въ I-мъ т. Очерковъ, въ статьѣ: „Мифическія преданія о человекѣ и природѣ“ (гл. III, стр. 144). Но въ томъ же самомъ томѣ Очерковъ въ статьѣ: „Волоть Вологовичъ“ на стр. 455 Буслаевъ, видимо, измѣняетъ нѣсколько свой прежній взглядъ на дѣло. Здѣсь онъ говоритъ: „Занимающимся русской народной словесностью хорошо извѣстны многіе, большею частію, апокрифическіе источники народнаго стиха о Голубиной книгѣ, между которыми первое мѣсто занимаетъ извѣстный „Бесѣда трехъ Святителей“; но до сихъ поръ не доставало переходнаго средняго термина между этими источниками и самымъ стихомъ. „Повѣсть града Іерусалима“ составляетъ, именно, этотъ любопытный переходъ“ и есть „первообразъ извѣстнаго народнаго стиха о Голубиной книгѣ“ (455 стр.). Во II-мъ томѣ Очерковъ, въ статьѣ: „О народной поэзіи

въ древне-русской литературѣ“ дѣло измѣняется еще болѣе. Здѣсь (на стр. 18) знаменитый народный стихъ о Голубиной книгѣ и по вѣншней формѣ своей, состоящей въ бесѣдѣ между княземъ Владиміромъ и Давидомъ Есеевичемъ, и по своему содержанію является уже — чисто поэтическимъ воссоздапіемъ апокрифической Бесѣды Трехъ Святителей. Кромѣ того здѣсь указывается также и другой важнѣйшій источникъ, изъ котораго было взято содержаніе стиха—это средневѣковые Бестиаріи, т. е. такъ называемыя фзіологическія сочиненія о животныхъ и вообще о природѣ съ примѣсю самыхъ фантастическихъ, сусвѣрныхъ понятій (стр. 20). О. Миллеръ, какъ можно судить изъ многихъ мѣстъ его „Опыта историческаго обозрѣнія русской словесности“, также колеблется въ своихъ взглядахъ на происхожденіе стиха о Голубиной книгѣ, хотя съ значительнымъ перевѣсомъ въ пользу народныхъ основъ, въ пользу мнѣческо-арійской дапности. Дѣлая упрекъ Тихонравову по поводу его оцѣнки „Калѣкъ Перехожихъ“ (см. прим. на стр. 308), что онъ недостаточно усмотрѣлъ, при всемъ неоспоримомъ вліяніи книжности, и стихію народную, несомнѣнно присущую нашимъ стихамъ, Миллеръ замѣчаетъ вообще далѣе, что старанія пѣкоторыхъ нашихъ изслѣдователей выказать преимущественно не народность нашихъ духовныхъ стиховъ останутся неудачными (стр. 308, прим.). Въ частности о Голубиной книгѣ О. Миллеръ говоритъ, что въ этой книгѣ подъ ея позднѣйшимъ христіанскимъ значеніемъ таится основное мнѣческое (стр. 329), а въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ, что въ отвѣтахъ Голубиной книги заключается одинъ величественный мнѣ и что сравнительная мнѣологія заставляетъ признать его самымъ древнимъ, изначальнымъ арійскимъ мнѣомъ (стр. 334). Къ этому еще остается прибавить, что сходство относящихся сюда памятниковъ у разныхъ арійскихъ народовъ не представляетъ, по мнѣнію О. Миллера, ни надобности, ни возможности предполагать заимствованіе съ той, или съ другой стороны (стр. 333). Такимъ образомъ при всемъ желаніи — отстоять народ-

пость и арійскую давность стиха о Голубиной книгѣ, въ этомъ первичномъ направленіи и главнымъ образомъ въ лицѣ Буслаева сказалась уже уступка въ пользу книжныхъ источниковъ и имъ же преимущественно данъ толчекъ другому направленію въ разработкѣ вопроса о Голубиной книгѣ. Это второе направленіе, служа естественнымъ продолженіемъ перваго, главнымъ образомъ занято вопросомъ о книжномъ вліяніи на устные народныя произведенія, а въ томъ числѣ на стихъ о Голубиной книгѣ, а при открытіи разныхъ вліяній самъ собою возникаетъ вопросъ о книжныхъ наслоеніяхъ на исконно-древней основѣ народныхъ устныхъ произведеній. Этого, такъ сказать, средняго направленія придерживается большинство ученыхъ, работы которыхъ соприкасаются съ данной областью. Тихомировъ въ своемъ разборѣ „Калѣхъ Перехожихъ“ (см. 33-е присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ наградъ), признавая, что народныя представленія о Голубиной книгѣ сложились подъ непосредственнымъ вліяніемъ христіанскихъ преданій и отчасти книжнаго греческаго апокрифа „Откровеніе Іоанну Богослову“, въ тоже самое время замѣчаетъ, что нельзя не согласиться съ мнѣніемъ Безсопова, что въ стихѣ этомъ вся основа — древнѣйшая, языческая (204—205 стр.). А. Н. Пыпинъ въ своей статьѣ по поводу русскихъ народныхъ легендъ, изданныхъ Афанасьевымъ (см. Современникъ 1860 г. N III, Мартъ) говоритъ, что духовные стихи представляютъ вообще наиболѣе обработанную поэтическую форму нашей народной легенды (81 стр.); и эта, болѣе оживленная форма легенды, замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ Пыпинъ, уже прямо отпосителъ въ область народной поэзіи — по своему колориту и вѣщности, но памятники не даютъ намъ возможности опредѣлить ясно, въ какое время произошло это перерожденіе народной легенды (80). Въ „Очеркѣхъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ“ А. Н. Пыпинъ говоритъ: „иногда народная поэзія заимствовала цѣлыя сюжеты изъ книжныхъ преданій и повѣстей; это должно было произойти, конечно, тамъ, гдѣ сфера книж-

наго знашіл отпосилась къ живѣйшей струнѣ въ народныхъ понятіяхъ и могла поэтому служить эпическимъ матеріаломъ, и отсюда явились опoэтизиpованные сюжеты духовныхъ стиховъ — и стиха о Голубиной книгѣ... Стихъ о Голубиной книгѣ, одно изъ любопытѣйшихъ произведеній Русской эпической поэзіи, въ XVII ст. является какъ нѣчто законченное: очевидно, чтобъ распространиться въ народѣ, отразить его понятія и приять самый складъ выраженія, преданіе, служащее основой стиха, должно было давно усвоиться народу" (стр. 18). Въ другомъ мѣстѣ А. Н. Пыпинъ, ссылаясь на сличенія, сдѣланныя Буслаевымъ по поводу стиха о Голубиной книгѣ и замѣчая, что эти сличенія указываютъ на тѣсное сближеніе въ данномъ случаѣ народной поэзіи съ литературой письменной и на взаимное ихъ вліяніе, въ частности о стихѣ, говоритъ далѣе, что стихъ о Голубиной книгѣ диалогической формой одинаково соотвѣтствуетъ и книжнымъ памятникамъ этой категоріи и произведеніямъ народной словесности. По содержанію, онъ находится въ связи съ преданіями, заходившими къ намъ путемъ литературы. Что касается источниковъ, откуда черпались эти преданія, то Пыпинъ находитъ ихъ отчасти въ азбуковникахъ (139 стр.), отчасти въ безымянныхъ сборникахъ (стр. 142, 148) и отчасти въ апокрифическомъ „свиткѣ божественныхъ книгъ" (см. „Можныя и отреченныя книги русской старины". Русское Слово, 1862 г., Февраль, стр. 53).

В. Варенцовъ въ своемъ сборникѣ Русскихъ духовныхъ стиховъ, повторяя взглядъ Пыпина на происхожденіе духовныхъ стиховъ, о стихѣ о Голубиной книгѣ говоритъ, что въ него вошли мотивы, встрѣчающіеся въ „Иерусалимскомъ свиткѣ" и „Бесѣдѣ Трехъ Святителей". Впрочемъ добавляетъ онъ, не смотря на позднѣйшую форму, въ которую внесено уже много христіанскаго, въ немъ отражаются черты старинныхъ мионическихъ преданій (15 стр.). Игнать въ статьѣ: „Die Christlich-mythologische Schicht in der russischen Volksepik" (см. Archiv für Slavische philologie. V. Jagic. I B. I H. 1875) называлъ,

какъ я уже сказалъ выше, стихъ о Голубиной книгѣ перломъ библейско-мифической былинъ, говорить, что связь этого стиха съ христіанскими, по большей части космогоническими апокрифами — уже давно извѣстна, и въ частности, видимо, вполне соглашается съ взглядомъ Тихопророва и Веселовскаго о тѣсной связи помянутого стиха съ „Откровеніемъ Іоанна“ (стр. 86). Кромѣ того добавляетъ еще, что стихъ о Голубиной книгѣ находится также въ связи съ Псалтырью и съ Давидомъ (87 стр.). Относительно животныхъ, встрѣчающихся въ стихѣ, Ягичъ въ примѣчаніи (на стр. 89) замѣчаетъ, что начало изображенія этихъ животныхъ въ Физиологахъ и Бестиаріяхъ. Находитъ, что въ этомъ стихѣ все мифологическое, все древне-языческое сокрыто вдали, и христіанскія черты поглотили языческо-мифологическую первооснову, Ягичъ естественно пришелъ въ мысли „о наслоеніяхъ“. И. И. Срезневскій въ библиографическихъ запискахъ по поводу I и II выпусковъ „Калѣвъ Перехожихъ“ Безсопова (см. Извѣстія Имп. Ак. Н. по 2-му отдѣленію русск. языка и словесности, т. 9), говоря вообще о духовныхъ стихахъ, заключаетъ, что стихи сколько ни дороги народу, не могутъ быть считаемы своеобразнымъ и самобытнымъ произведеніемъ народной русской почвы, и что напротивъ того, въ своихъ первообразахъ были создаемы людьми книжнымъ, умощаемы подѣ постояннымъ вліяніемъ книгъ, и дѣлались достойнымъ народнымъ точно также, какъ и разныя впаціи и мысли, вычитанныя изъ книгъ. Изъ этого, впрочемъ, не слѣдуетъ, добавляетъ далѣе Срезневскій, что русскіе стихи на Руси не древни; но слѣдуетъ, что, какъ бы они ни были по происхожденію древни, все таки они только прижили въ народной поэзіи русской, а не составляютъ ея необходимаго явленія (380 стр.). Почти такого же взгляда на духовные стихи придерживается и А. Котлиревскій въ своемъ библиографическомъ обзорѣ (см. Старина и Народность за 1861 г.). Онъ говоритъ, что духовные стихи возникли въ относительно позднее время, въ XVI—XVII вв., и при томъ, большею частію, изъ источниковъ

литературныхъ: отреченныхъ книгъ, житій святыхъ и т. д. Они не были ни своеобразными, самобытными произведениями русскаго народнаго творчества, ни исключительною собственностью русскаго народа (55 стр.). Въ другомъ мѣстѣ, говоря о космогоническихъ представленіяхъ, вошедшихъ въ стихъ о Голубиной книгѣ и приводя аналогичное преданіе индійское и древне-фризское, Котляревскій замѣчаетъ, что не смотря на, такъ сказать, литературную исторію этихъ представленій, онъ считаетъ, однако, ихъ за чисто-народныя, за общее достояніе индо-европейскаго племени: въ этомъ убѣждаютъ насъ сказанія древней Едды о смерти великана Имира и послѣдовавшей за тѣмъ космогоніи изъ его тѣла. А такимъ памятникомъ, добавляетъ Котляревскій, какъ древняя Едда, трудно подлаживать какіе нибудь литературные источники (70 стр.). И. Порфирьевъ въ своей статьѣ „Народныя духовныя стихи и легенды“ (см. Православный Соборъ. 1869 г., Сентябрь), переходя къ стиху о Голубиной книгѣ, говоритъ, что колоритъ стиха христіанскій: и вопросы рѣшаются и всѣ предметы въ мірѣ оцѣниваются съ точки зрѣнія христіанской. Обстановка стиха также христіанская. Но въ тоже время видно, что стихъ составился не подъ вліяніемъ только чисто церковнаго ученія, но преимущественно подъ вліяніемъ апокрифическихъ сочиненій и народныхъ сказаній, въ которыхъ сохранились еще остатки старыхъ мнѣческихъ преданій разныхъ народовъ; потому при христіанскомъ содержаніи, въ стихѣ много старой космогонической примѣси. Изъ апокрифовъ всего болѣе имѣли вліяніе на стихъ о Голубиной книгѣ „Бесѣда трехъ Святителей“ и „Іерусалимская бесѣда“. Изложенныя въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, онѣ дали стиху и ту форму, какую онъ имѣетъ, и большую часть вопросовъ, которые въ немъ рѣшаются (стр. 63). Этотъ самый взглядъ на стихъ о Голубиной книгѣ Порфирьевъ буквально повторилъ и въ своей Исторіи русскаго словословія (Часть I. Изд. 2-е, 1876 г., стр. 295—296).

Перехожу теперь къ послѣднему направленію, какое сказалося въ разработкѣ стиха о Голубиной книгѣ. Если и позволить себѣ назвать первое направленіе идеальнымъ, но скрытымъ, большею частію, патріотическимъ стремленіемъ, то это послѣднее направленіе, какъ по его отношенію къ разработкѣ народныхъ памятниковъ и по нѣкоторой противоположности его первому направленію, смѣло можно назвать реальнымъ. Какъ идеальное направленіе, основанное главнымъ образомъ на чувствахъ и сопровождаемое увлеченіями, было данію своего времени, такъ и реальное направленіе, основанное на чисто объективномъ отношеніи къ дѣлу, выражающемся въ холодномъ анализѣ фактовъ, является продуктомъ нашего времени. Девизомъ этого направленія служить — голый фактъ ¹⁾. Главнымъ представителемъ реального направленія въ разработкѣ стиха о Голубиной книгѣ является А. Веселовскій. Въ своемъ капитальномъ сочиненіи „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ . . .“, касаясь стиха о Голубиной книгѣ — по поводу силлогистическихъ ересей и дуалистическихъ ученій, Веселовскій говоритъ, что старшій, основной стихъ нашихъ калекъ, т. е. стихъ о Голубиной книгѣ, какъ называетъ его Веселовскій, не только коренится въ представленіяхъ дуалистической ереси, но и опредѣляется составомъ ея главной, учительной книги, содержаніе которой этотъ стихъ сохранялъ иногда вѣрнѣе дошедшихъ до насъ русскихъ текстовъ апокрифа. Источникомъ этого стиха не была „Бесѣда трехъ Святителей“, поздній апокрифъ, создавшійся, можетъ быть, по образцу Вопросовъ Іоанна;

¹⁾ *Примѣчаніе.* Замѣчу здѣсь ксатати, не касаясь стиха о Голубиной книгѣ, что, какъ идеальному направленію, враждающемуся преимущественно въ области чувствъ — въ разработкѣ памятниковъ — подобныхъ пслѣдуемому нами, болѣе всего пришлось по вкусу мифологическая экзегеза — удобопримѣнимая и удобопримѣнимая ко всякому эническому матеріалу, такъ точно и реальное направленіе въ своихъ поискахъ и добываніи фактовъ выказываетъ временами склонность къ Бенфеевской теоріи заимствованія.

тѣмъ менѣе Повѣсть града Іерусалима, иначе Повѣсть Іерусалимская, которая, по мнѣнію Веселовскаго, не что иное, какъ видоизмѣненіе той же Голубиной книги, еще теперь сохранившееся въ формѣ духовнаго стиха и записанное старинными грамотными въ прозаическомъ пересказѣ рукописей. Источникъ Голубиной книги Веселовскій находитъ въ апокрифическихъ „Вопросахъ Іоанна Богослова Господу на горѣ Ѡваторской“, извѣстномъ Secretum западныхъ татаровъ (стр. 165). Эта же отреченная книга „Secretum“, извѣстная иначе подъ названіемъ: liber S. Joannis или interrogationes S. Joannis et responsiones Christi Domini, будучи главной богомилской книгой, нѣчто въ родѣ еретическаго катихизиса, своимъ происхожденіемъ, по мнѣнію Веселовскаго, не принадлежитъ сектѣ: она только воспользовалась въ данномъ случаѣ древнимъ апокрифомъ, такъ называемымъ отреченнымъ апокалипсисомъ Іоанна, передѣлавъ его на свой ладъ (стр. 152—153). Но объясняя этой отреченной книгой Secretum, а вмѣстѣ съ тѣмъ и апокрифическими „Вопросами Іоанна...“ слишкомъ немного въ стихѣ о Голубиной книгѣ, и не имѣя возможности этими книгами въ совокупности объяснить слишкомъ сложный стихъ о Голубиной книгѣ въ полномъ его составѣ, Веселовскій въ своихъ „Разысканіяхъ въ области русскаго духовнаго стиха“ помѣстилъ нѣсколько отдѣльныхъ монографій, относящихся къ изслѣдованію стиха о Голубиной книгѣ. Въ этихъ монографіяхъ Веселовскій касается нѣсколькихъ образовъ, встрѣчающихся въ стихѣ о Голубиной книгѣ, и обиліемъ матеріала желаетъ уяснить источникъ и самый складъ этихъ образовъ, какой отпечатѣлся въ данномъ стихѣ. Такъ въ монографіи III: „Алатырь въ мѣстныхъ преданіяхъ Палестины и Легенды о Градѣ“, Веселовскій — для уясненія „бѣль-горючаго камня Алатыря“ — стиха о Голубиной книгѣ — собралъ Сіонскія преданія о камнѣ, положенномъ Спасителемъ въ основаніе Сіонской церкви, матери всѣхъ церквей, связавъ эти преданія съ преданіями о камнѣ, спесенномъ съ Сипая и положенномъ на мѣсто алтаря въ той же церкви. Стоило